

элиты некоторым представителям интеллигенции была открыта дорога к высшим ступеням чиновной иерархической лестницы⁵³. Наиболее впечатляющим примером восхождения образованных интеллигентов к вершинам власти является, как известно, карьера Прокопия Кесарийского, достигшего сана префекта⁵⁴, и Петра Патрикья — видного дипломата и государственного деятеля при Юстиниане⁵⁵.

Однако положение образованных талантливых интеллигентов ранней Византии порой было весьма незавидным. Материальная необеспеченность, необходимость зарабатывать на жизнь, занимаясь нелюбимым трудом, политическая и моральная зависимость от придворной аристократии и двора — все это затрудняло их творческую деятельность.

Идеолог светской интеллигенции Византии VI в. писатель и поэт Агафий Миринский жаловался, что в юные годы, получив юридическое образование, он вместо занятия «сладостными ритмами» и чтения произведений древних мудрецов должен был целые дни просиживать в портике близ императорского дворца, составляя клиентам различные прошения и жалобы⁵⁶. Адвокат по профессии, Менандр Протиктор, ища спасения от грозившей ему бедности, написал по заказу императора Маврикия историческое сочинение в панегирическом духе, которое обеспечило ему средства к существованию⁵⁷. Ученый, ритор, историк Феофилакт Симокатта в отличие от Агафия и Менандра был знатного происхождения, имел связи в родном городе Александрии, но все же, занимаясь естественными науками и историей и переехав в Константинополь, принужден был искать покровительства императорского двора⁵⁸. Примеры зависимости светской интеллигенции от высшей аристократии и двора, естественно, можно умножить. Вместе с тем следует отметить присущее наиболее талантливым представителям городской интеллигенции глубокое чувство собственного достоинства и сознание выдающегося значения науки и культуры в жизни общества. Так, например, Агафий прославляет созидательный труд, украшающий жизнь человека, — труд архитектора, строителя, художника, философа, мыслителя. В его высокой оценке значения науки и роли ученого в общественной жизни нашли свое выражение мысли и чувства образованной элиты Византии, воспитанной в традициях античной цивилизации⁵⁹. Классической моделью наилучшего государственного устройства для Агафия служит государство Платона, где «философия и царство объединяются в одно целое»⁶⁰.

Превыше всего Агафий ценит античную науку, особенно философию. По его мнению, творения античных философов — вершина человеческой мысли⁶¹. Человеческий разум и обаяние слова прославляет Менандр Про-

XXIV, S. 23; Г. Г. Бек сближает положение некоторых клириков со статусом философов и риторов.

⁵³ Г. Г. Бек является сторонником теории «открытости» византийской элиты «сверху» и «снизу» и подчеркивает частые изменения в составе высших государственных чиновников. См.: *Beck H.-G. Constantinople*, S. 13. Против этой теории выступают Харанис и Дагрон. См.: *Charanis P. On the Social Structure of the Later Roman Empire.*—Byz., 1944—1945, 17; *Dagron G. Naissance d'une capitale*, p. 137—190; ср.: *Курбатов Г. Л.* К проблеме перехода от античности к феодализму в Византии. — Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. 1980, № 3, с. 20 и след.; *Лебедева Г. Е.* Социальная структура..., с. 153—162.

⁵⁴ *Удальцова З. В.* Мировоззрение Прокопия Кесарийского. — ВВ, 1971, 31, с. 8—22; *Она же.* Идеино-политическая борьба в ранней Византии. М., 1974, с. 145—196.

⁵⁵ *Удальцова З. В.* Дипломатия ранней Византии. — Вопр. истории, 1983, № 1, с. 104—107.

⁵⁶ *Agath. Hist.*, III, 1. См.: *Удальцова З. В.* Идеино-политическая борьба..., с. 197—237 (там же — литература об Агафии).

⁵⁷ *Удальцова З. В.* Идеино-политическая борьба..., с. 243 и след.

⁵⁸ Там же, с. 276 и след.

⁵⁹ Памятники византийской литературы IV—IX вв. М., 1968, с. 173; *Удальцова З. В.* Идеино-политическая борьба..., с. 214; *Cameron Av. Agathias.* Oxford, 1970.

⁶⁰ *Agath. Hist.*, II, 30.

⁶¹ *Ibid.* Ср.: *Удальцова З. В.* Историко-философские воззрения светских авторов ранней Византии. — ВО. М., 1982, с. 3—22; *Hunger H.* Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978, Bd. I.